

Л.Г. Калачёва (Яцкевич)

ВЛАДИМИР КАЛАЧЁВ

(1918 - 1943)

СТИХИ

ПИСЬМА

ВОСПОМИНАНИЯ

Владимир Калачёв. 1938 г.

В книге содержатся стихи и письма Владимира Калачёва, молодого поэта, погибшего в годы Великой Отечественной войны в боях за Ленинград. Во второй части книги опубликованы письма известных поэтов, адресованные В. Калачёву, воспоминания однополчан и родственников, стихи, ему посвящённые, а также связанные с ним краеведческие работы учителей г. Череповца и письма журналистов.

***Не были ни шумными, ни спорными,
Золотом нигде не тиснены,
Мужеством обветренные сборники
Поэтов, не вернувшихся с войны.***

В. Богданов

***О тех, кто падёт в борьбе, следует написать
хорошую книгу, чтобы тот, кто потерял близкого
человека, мог найти в этой книге ответ на мучивший его
вопрос.***

**В.С. Калачёв.
(Из письма с фронта, 1942 г.)**

ВОСКРЕСЕНИЕ НА ШЕКСНЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

К весне 1933 года разруха от коллективизации в северных русских деревнях дошла до края бездны. Но и на краю бездны, заглянув в неё, не потеряли мужики головы и сохранили живую душу. Особенно яркой свечой горела душа у крестьянских детей, рождённых в годы войны, революции и разрухи. Через этих крестьянских детей Русь выживала и снова воскресала, распятая на кресте двадцатого века.

Степан и Надежда воспитывали пятерых детей. Старший, Анатолий, уже учился в педучилище в Череповце. Второй сын, Владимир, собирался последовать за горячо любимым старшим братом. Оба писали стихи, знали не только Пушкина, Лермонтова и Блока, но и помнили наизусть и пели стихи Клюева и Есенина. «Откуда это у моих детей?» – спрашивала себя не раз Надежда. И всегда молчаливый Степан отвечал: «От Бога!»

А Владимир, философствуя в свои четырнадцать лет, писал:

*Родился я в голодный год.
Полон страданий и невзгод.
Но годы шли. Хоть тихо я
Но всё же рос. И мне поля
Любимым верным другом стали ...*

Иногда он пугал родителей и сестёр недетскими пророческими стихами. Вот одно из них:

*Я уйду... Как берёза по ветру
Золотые листья роняет.
И угасну по раннему утру,
Как по утру звезда угасает.
На дороге захоженной мост
Чаща ив закрывает, звеня.
Вы свезите на старый погост,*

*Под крестом положите меня.
Пропое́т обо мне лишь во ржи
Лебеда в предосенней тоске.
Прокричат журавли у межи
На холодном безмолвном песке.*

Мужики, оставшиеся в деревне после коллективизации, решили: первое дело – надо детей от голода спасать. Председатель предложил устроить так называемые «ясли», в которых удалось в эти тяжёлые времена спасти от голодной смерти многих детей, начиная с действительно ясельного возраста и кончая шестнадцатилетними, которые одновременно выполняли роль и детей и нянек. А воспитателем был здесь сам голод. С его помощью и поддерживалась безупречная дисциплина и неукоснительный порядок. Перед началом трапезы за длинным деревянным столом в бывшем доме богатого мужика Демидова, погибшего в первые годы революции, крестьянские дети, маленькие и большие, сидели смирно. Бойкая девушка Фрося, раздавая миски и ложки, командовала: «Что молчите? Запевай!» И первая начинала:

*Мы кузнецы, и дух наш молод.
Куём мы счастья ключи.
Вздымайся выше наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи...*

И при словах «стучи, стучи, стучи ...» все дети начинали стучать, кто ложкой о миску, кто ладонями по деревянному столу. Всеобщий восторг нарастал... И действительно, казалось, что они были счастливы в этот миг, несмотря на истощённые лица и тонкие ручки и ножки. Как же не радоваться? Ведь сейчас дадут есть! Обед состоял из каши и кружки молока! Дома давно этого не было...

Заведовала этими «яслями» Надежда, которую на этот пост выбирали всем миром: надо было, чтобы человек был честный, добрый и заботливый. Таких баб было много в деревне. Но выбрали её – как более образованную (читать и писать умела) и с твёрдым характером.

Муж её Степан, мужик работающий и смирный, тем временем спасал оставшийся скот: под его командой ездили в лес рубить ветки, мельчили их и парили в больших котлах. Тем и кормили весной бедных коровушек. Так проходила весна, а осени в деревне теперь были тоже невесёлыми.

Вспоминая деревенские вёсны прошедших лет, Владимир с болью в сердце сочинял такие отроческие стихи:

*Шелестит листьями тополь,
Звуки гаснут на ветру.
Кобелиный слышу вопий
По весеннему утру.*

*Мне знакомы эти звуки,
Песню слышу о былом.
После долгих дней разлуки
Посетил я отчий дом.*

*Это в прошлом мае было,
Это милая пора.
Кобели встречая выли
У заросшего двора.*

*И мои односельчане
Тихо кланялися мне.
Поклонился старой бане
И овину на гумне.*

*Но не вижу только межи
У зелёного конца.
«Тятя, наше поле где же?»
Дрогнул голос у отца:*

*«Наше поле запахали
Новой лошадьёю стальной»
...Рано росы отблистали,
Отгорел закат ржаной. ...*

Временами наваливалась на Надежду и Степана чёрная тоска-кручина, но тужить было некогда: и день и ночь в работе и в заботе. Согревала родительское сердце и надежда на старшего сына: закончит скоро Анатолий училище, глядишь, и в люди выйдет.

Вот уж долгая голодная и холодная зима за плечами, март наступил. Солнечным деньком ехал Степан из леса с ветками на коровник. Видит – председатель к нему бежит, кричит издали: «Степан! Зайди сейчас ко мне!» Слез не спеша с саней, обмёл валенки на крыльце, зашёл в контору к председателю. А тот: «Степан! Вот телеграмму тебе свояк из Череповца прислал» - и замолчал, будто слова в горле застряли. Взял молча Степан клочок бумаги и прочитал: «Ваш сын Анатолий умирает от воспаления лёгких в больнице. Срочно приезжайте. Иван». Степан опустил голову, постоял молча да так и пошёл ни слова не говоря на улицу.

Слух раньше его принёс в дом страшную весть. Дочери-подростки плакали, маленький Коля им вторил, Владимир сидел под иконами, уткнувшись головой в руки. Надежда с потухшими серыми глазами на красивом тонком лице уже собиралась в дорогу. Кому же, как не матери, быть рядом с сыном в последние минуты его жизни! В избу начали собираться родственники и соседи. Решили, что повезёт Надежду в город её брат Андрей, а Степан останется дома с детьми и хозяйством.

До города было вёрст шестьдесят, но мартовская дорога уже сильно растаяла и превратилась в рыхлое месиво, поэтому добрались до Череповца только на следующий день к вечеру. В приёмном покое городской больницы ей холодно сказали: «Ваш сын умирает, но посторонним вход воспрещён. Карантин». Как ни умоляла врача, как ни плакала – не дали побыть матери у постели умирающего сына! В изнеможении устроилась она в коридорчике на полу, ожидая утра и страшных вестей. Сердце замерло и, казалось, превратилось в лёд ... Рано утром вышел врач, поморщился и сказал, глядя в сторону: «Ваш сын умер в двенадцать часов ночи. Можете забрать тело».

Хоронить Анатолия повезли в деревню. Весеннее солнце беспощадно слепило глаза, снег за прошедшие сутки почти полностью стоял с дороги, и лошади, всхрапывая и кося глазом, с трудом тащили тяжёлые дровни с гробом. К вечеру, совсем выбившись из сил, завернули к дому, стоящему на окраине деревни недалеко от Шексны, покрытой набухшим, потемневшим льдом. Тревожный ветер гулял на просторе речных далей, безжалостно рвал и теребил ветви прибрежных ив, берёз и тополей.

Робко постучал в двери кнутом Андрей. Через минуту в окно выглянула немолодая женщина, осмотрела внимательно Надежду с братом, дровни с гробом и пошла открывать двери. Вошли в избу, перекрестились на образа и перевели измученный взгляд на хозяйку. Та всё поняла, и когда, наконец, Андрей выдавил из себя фразу: «На санях не добраться.

Надо за телегой ехать ...» – она тихо ответила: «Гроб на дровнях поставим в сарай, там у нас теперь чисто. А ты, милая, пока у меня поживи. Даст Бог, мужик-от скоро с телегой вернётся».

Андрей быстро распряг лошадь, попоил, покормил её сеном и, не дав как следует отдохнуть себе и ей, в ночь отправился верхом дальше.

Надежда, казалось, с трудом понимала, что вокруг происходит. Она на всё смотрела с мёртвым равнодушием. Мария, так звали хозяйку, ни на минуту не спускала с неё глаз, нянчилась с ней, как с ребёнком. Прошли ещё сутки, в течение которых Надежда просидела у окна, неотрывно глядя на реку. На попытки хозяйки разговорить её, заставить вместе поплакать и облегчить тем ношу непомерного горя, она или отмалчивалась, или говорила всегда одну и ту же фразу: «Паренёк-то мой в городе холодал и голодал, вот и помер». На второй день утром, когда Мария уходила за водой на колодец и немного задержалась с любопытствующими соседками, объясняя им, кто и зачем у неё остановился, Надежда вышла из дома и быстро пошла по тропинке к проруби. Мария с высокого берега издали увидела её, бросила ведра и кинулась за ней. Догнала у самой кромки чёрной полыньи ... Чтобы не вспугнуть, тихо подошла сзади и ласково взяла за руку: «Надя! Вспомни о своих деточках! Ведь их у тебя ещё четверо! Не осироти бедных». Надежда вздрогнула, словно просыпаясь, невероятным усилием заставила себя отвести непослушные глаза от бездны и посмотрела на плачущую Марию. А та ей опять: «Пойдём, милая в дом, погреемся чайком». Послушалась как-то бессознательно и почти равнодушно, побрела назад.

Вернувшись в дом, Мария посуровела и сказала Надежде проникновенно: «Велико твоё горе, матушка! Но вспомни Богородицу и её слёзы у креста распятого Сына!» После короткого молчания продолжила: "А сынка своего отпоёшь в церкви, как приедете. И возьмёт Христос к Себе твоё невинное чадо. Только молись Спасителю». Надежда начала едва заметно оживать, взглянула на иконы, рука сама начала креститься по давней, тысячелетней привычке всех русских женщин. Из глаз полились слёзы – и обе женщины, упав перед образами, тихо заплакали. Впервые за все эти страшные дни...

Ещё одни сутки миновали. Как родная мать, выхаживала Мария свою незваную гостью. Слёзы сменялись разговорами, в которых в основном говорила хозяйка, а гостья только слушала и лишь изредка что-то отвечала. Наконец, христианское смирение кроткого сердца Надежды победило открывшуюся перед нею бездну отчаяния. Она нашла силы встретить приехавшего на телеге мужа. Твёрдо стоя на ногах, нашла слова, чтобы смягчить первый страшный удар встречи мужа с мёртвым сыном.

Вернулись в родное Квасюнино и похоронили юношу на заречном кладбище, недалеко от белокаменной церкви, в которой его и отпели, как отпевали до этого всех его предков последние триста лет.

Весна, лето и осень прошли в безутешном оплакивании погибшей молодой жизни. Но тайна смерти равносильна только тайне рождения новой души. После смерти брата Володя стал часто задумываться, погружаясь в какие-то пока неясные грёзы и образы. В пятнадцать лет, когда сердце страстно рвётся вперёд, неудержимо спешит навстречу неизвестному, страшно испытать внезапную остановку стремительного полёта, резкий разрыв, казалось, извечно прочной цепи жизни. И тогда вдруг душа погружается в сон наяву, то есть летит в таинственном пространстве духа:

Сон

Посвящается дорогому Толе.

*Светит месяц, светит ясно.
Звезды жемчугом мерцают –
Образ Толи посылают.
Взмыть хочу ... но всё напрасно!
Вдруг поднялся. Полетел
В изумрудное пространство,
Жизни лучшее убранство.
Тихо. Песенку запел.
В синей дымке я заметил:
Кто-то машет мне рукою.
Сонной я поник главою.
Взгляд приветливый он бросил –
Мне застлал глаза туман,
Слёзы градом покатились,
А уста в лёд превратились...
Сон ли это? Иль обман?*

В начале октября, перед Покровом, решили последний раз перед зимой побывать на могиле Толи, отслужить в церкви панихиду. Переехали на пароме по тёмной осенней воде Шексны и пошли к Чёрному озеру, где стояла старинная белокаменная церковь и при

ней располагалось кладбище. Места эти издавна были овеяны таинственными легендами о святом пустыннике Антонии, на его мощах и была позднее построена церковь. Поэтому и назывались эти заречные лесные места пустынью. После литургии и панихиды в церкви, страшась смотреть на свежую могилу родного человека, долго стояли, растворяясь душой в печальной тишине осеннего кладбища и обступивших его со всех сторон облетающих лесов. Наступил краткий миг умиротворения. Зазвонил на колокольне одинокий колокол.

В тот же вечер Володя написал стихотворение, над которым потом долгие годы проливали слёзы его мать. Предчувствия не обманывали поэтическую душу юноши. Вот это стихотворение:

Завещание

*Как умру, вы меня схороните
На кладбище пустыни сырой.
Рядом с братом средь белых берёз
положите
Увядающей ранней порой.
Положите к востоку главою,
Чтоб мне видеть, как солнце взойдёт.
И с весёлой, румяной зарёю
Кто-нибудь на могилу придёт.
На могиле насыпьте повыше
Круглый холм из сырого дерна.
И не будет спокойней и тише
Моего бесконечного сна.
Дикий камень на холм положите,
Будет славный мне памятник он.
И осенней порой навестите,
Как услышите утренний звон.
Звоном утренним, ранним, весенним
Будет чувства иные будить.
Нет, не буду ночами осенними,
Как таинственный призрак, бродить.*

Когда тишина и покой вечности настигает юную душу, у неё вдруг открываются духовные очи: она прозревает. И тогда рождаются такие стихи:

Июньское утро

*Разбуди меня завтра рано,
Только птица чуть песнь запоёт,
Когда в синем и бледном тумане
Свет июньского утра блеснёт,*

*И не трудится в поле крестьянин,
И не гонит стадо пастух.
Пробужусь я от сладких мечтаний.
Пока звёздный свет не потух
И по рани зарёй золотистой
Не осветится спящий восток,
Пока капли росы серебристой
Не уронит дорожный листок.*

*И пока петух белокрылый
Не встряхнёт крылом ночи сон,
Не раздастся так сердцу милый
Старой церкви протяжный звон,
И над тихой, спящей рекою
Не рассеется бледный туман, -
Я восстану бодрой душою –
И развеется ночи дурман.*

Родные стали замечать, что Володя даже внешне изменился: глаза смотрели как-то вглубь себя и одновременно вдаль, он стал собранным, не по-детски сдержанным.

Перед ним по-новому открылась пронзительная прощальная краса родного края:

*Люблю тебя, о, край мой синий,
С немою тишиной болот,
С сухим плетнём перед овином,
С крапивой жёлтой у ворот.*

*Люблю, когда у наших окон
Блестят листвою тополя,
Когда с цветущею осокой
Шумит по утрам конопля.*

*Где брюквы голубая тина
Плеть широкая сторожит,
Где на заре перед овином
Овёс ромашкою звенит.*

*Вдыхать люблю я в день осенний
Дремоту жёлтой лебеды,
И над уснувшей деревней
Тальянки звонкие лады,*

*И по утрам над крышей ветхой
Берёзовую гарь печей.
И грезит с ивовою веткой
Дощатый мост через ручей.*

*И грезит месяц о прошедшем
Над далью синюю полос.
Грустит о страннике ушедшем
Цветущая листва берёз.*

*Соломы нежное дыханье,
Всегда немая ширь полей,
Коней предутреннее ржанье
И крик осенних журавлей.*

*Когда весёлой песни голос
Звенит в нескошенной траве
И ветер треплет мои волосы
На бесталанной голове.*

*Где в утренней, дремотной рани
Когда-то песни пелись мне,
Желтеют осенью багряной
Скирды соломы на гумне.*

*Люблю я песнею весёлой
Дремотный лес оповестить.
Широкие поля и сёла,
Я не могу вас не любить!*

*С черемухой цвести я буду,
Её молчанью научусь.
И вижу я везде и всюду,
Тебя, берёзовая Русь.*

Владимиру открылась сила и мощь родимой земли, её живые ключи:

*Ключ студёный, ключ холодный,
Напои водой меня.
Под листвою прошлогодней
Ты бежишь, струёй звеня.*

*Напои дыханьем лета,
Блеском солнечных лучей,
Ночью, днём и на рассвете
Тихим трепетом речей.*

*Напои водой игривой
Поздним вечером коня.
Пусть потряхнёт он белой гривой,
Золотой уздой звеня.*

*Он помчит меня далёко,
Пыль взовьёт из-под копыт.*

*Поле синее широко,
Даже конский глаз не зрит ...*

*Пробегают через ниву
Серебристый ключ в реку.
Так неси же конь игривый,
Бей копытом на скаку.*

*Радуйся дыханью лета,
Блеску утренней травы.
Пропюю я на рассвете
Песню светлую души.*

Как-то приехал летом из Череповца дядя Владимира. Иван Феофанович приходился Надежде братом. Это был крестьянский сын-самородок, которому ещё до революции удалось закончить Московский университет. Получивший прекрасное образование, трудолюбивый и неизменно тихий и скромный, он женился в 1919 году на умной, образованной девушке из старинного дворянского рода, укрывшегося от бури революционного Петрограда в тихом провинциальном Череповце. В его семье все любили поэзию, музыку, сами сочиняли стихи, пели.

Он преподавал в педагогическом училище, но родные места не забывал. Однажды вечером, после прогулки, сидели гости на крылечке и разговаривали с деревенской роднёй, любясь закатом, полыхавшим над полями и лесом. Незаметно речь зашла о поэзии. Гости, уже зная, что Володя пишет стихи, стали его расспрашивать, как это вдруг проснулся у него поэтический дар, попросили прочитать что-нибудь. И вот юноша начал:

*Я подслушал песни эти
В нежном шёпоте берёз,
Вешним утром на рассвете
В серебристом блеске рос.*

*Напою слова сияньем
Ранней утренней зари.
В свежем трепетном дыханье
Тихо грезят пустыри.*

*Хорошо петь утром веющим,
Когда в грусти сердцем чист.
Мне про мир иной, нездешний,
Придорожный шепчет лист.*

*И ручей мой серебристый
Звонок, весел, говорлив.
Он звенит в траве росистой,
В голубом покое нив.*

*Ранним утром при дороге
В грусти ивы отцвели.
К одному концу в тревоге
Все дороги жизни шли.*

*Простираю в грусти взоры
На несжатой полосе.
Дремлют ветхие заборы,
Лебеда звенит в овсе.*

*Я покину это поле
У зелёного конца,
Нагрушусь наутро вволю
У дощатого крыльца.*

Всех сидевших на крыльце прочитанные стихи пронзили, как родная музыка, способная всколыхнуть сокровенные глубины души. Иван Феофанович, вытирая непрошенные слёзы, проговорил сестре: «Да, Надюша, наберись мужества. Тяжело на Руси быть матерью крестьянского поэта ...». Все молчали, переживая услышанные стихи и слова Ивана Феофановича ...

Володя вдруг неожиданно поднял опущенную голову и начал отрешённо:

*Я из тех, что недавно ушли
В мир иной, беспредельный и вечный.*

*До меня на заре отцвели
В нежной грусти берёзы-свечи.
Ранней осенью жёлтые листья
Облетают с посохших дерёв.
И в осеннем ветреном свисте
Чуть слышны переборы слов.
Вянет, вянет трава пожелтелая,
И качается ветхий забор.
Сыплет листья глава облетелая,
Пережитым туманится взор.*

*... Отзвучали песни ваши
В звоне веток отцветших берёз.
Над просторами чёрных пашен,
На межах пожелтевших полос.
Но под вечер синий, весенний
Ваших песен звучат бубенцы.
Только Клюев, Орешин, Есенин
Над родными полями певцы.*

*Ах, поля, перелески, заборы,
Я хотел бы петь, жизнью горя.
Да моя в белый вечер скоро
Догорит золотая заря.*

Мать затревожилась: она не воспринимала стихи сына как поэтическую условность и не знала, что тему ранней смерти в творчестве юных поэтов принято называть штампом романтической поэзии. И через несколько лет оказалось, что она – единственная из слушателей – поняла стихи сына в истинном их пророческом смысле. Ивану Феофановичу тоже стало не по себе. Он вздохнул и сказал: «Прошу тебя, Володя, не называй имена этих поэтов, когда будешь учиться в городе, при чужих людях. Это опасно теперь».

Осенью Володя стал учиться в педучилище. Череповец был тогда небольшим городом, но уже успел приобщиться к новой советской культуре, к поэзии новых советских поэтов. Володя пишет новые стихи, в которых намечается противостояние разных культур, разных миров. По образному строю мыслей и по оценке сегодняшней

России его стихи перекликаются с поэзией Николая Клюева. Видимо, сборники стихов уже арестованного и сосланного в Сибирь поэта ещё не успели изъять из библиотек провинциального городка. Бережно хранились стихи опального поэта в домашних библиотеках и в памяти студентов – в основном деревенской молодёжи.

В те годы, когда уничтожалась духовная культура деревни и её «последние поэты», вдруг начал бурно развиваться новый деревенский фольклор: крестьяне и их дети стали писать стихи, повторяя в них, с большей или меньшей степенью оригинальности и талантливости, образы и поэтические мотивы любимых поэтов – Есенина и Клюева. Обычно считают, что поэзия профессиональных поэтов, как полноводная река, питается многочисленными ручейками народной поэзии, устного народного творчества. Так оно и есть, но в тридцатые годы реку поэзии пытались повернуть в новое, искусственное русло, в страну коммунистических призраков и идеологических химер, то есть в никуда. Вот тогда и воскресла пленённая река в многочисленных тихих, но чистых ручейках: народная поэзия – в поэтах-крестьянах. В одной только деревне Квасюнино можно было насчитать более десяти поэтов. Кроме Владимира, стихи писали его брат Анатолий, двоюродные братья, муж его тёти Марии. О последнем особенно следует сказать. Деревенский мужик, выучившийся грамоте, Александр Тихомиров ещё до революции собрал большую интересную библиотеку, выписывал журналы «Нива», «Всемирная панорама». Уехал в Белозерск и там дослужился до пристава. Во всём любил порядок, но особенно ценил тишину и мир, поэтому и фамилию себе подобрал подходящую – Тихомиров. Его родовая деревенская фамилия была Башмаков, так как кого-то из его предков за что-то прозвали Башмаком. Его старший сын, деревенский поэт и юродивый Христа ради, однажды, желая пошутить над строгим отцом, сочинил о нём эпигramму:

*Васькин брат, Славухин дядя,
Из породы Башмаков ...*

Отцу стихи понравились, он любил в людях смирение и сам готов был услышать о себе справедливые слова. Тихомиров любил поэзию, сам писал стихи, много поэтических сборников было в его домашней библиотеке. В годы разрухи и коллективизации он написал поэму, подобную поэме Николая Клюева «Погорельщина», и сам читал её вслух родственникам и друзьям. В сороковом году кто-то донёс властям. Тихомирова арестовали и посадили в тюрьму, которая находилась на острове, где он и умер от голода в первый год войны. Текст поэмы бесследно исчез, но до сих пор среди его родственников ходят легенды о том, как Тихомиров, кем-то предупреждённый о предстоящем аресте,

положил все свои поэтические произведения в холщовый мешок и закопал в саду за домом ...

Весной 1936 года семнадцатилетний Владимир написал большое стихотворение, которое так согрело бы сердце сосланного в Томск и обречённого на скорую гибель поэта Клюева. Если бы он знал, что его поэзия вдохновляет молодых поэтов - юношей, родившихся в его родных северных краях! Вот это стихотворение:

*Вам не петь о жизни старой,
О синеющих просторах,
Об изломанных амбарах,
О разрушенных заборах.
Голубых полей овсяных
И соломы нежный шёпот
И по улице уснувшей
Не услышать конский топот.
Не услышать в нежной сени
Песни дремлющей соломы,
Не увидеть в день осенний
Ячменёвые хоромы.
За растворенным окном
Песни прошлого не слышать.
Не увидеть над прудом,
Как осина листом дышит
Не услышать в день весенний
Песни жёлтой лебеды,
Над уснувшею деревней
Зазвевшие лады.
Не видать вам, как мечтают
Ячменёвые просторы.
Об ушедших вспоминают
Разваленные заборы.
Зачарованною песней
Не лелеять нежно слух.
На заре в рожок древесный
Петь не будет вам пастух.
Ведь самим вам не ответить,*

*Где у вас есть отчий дом.
И вам грусти не заметить
Над синеющим прудом.
Не услышать над болотом
Крик тоскливый кулика,
За весёлою работой
Грустных песен мужика.*

*Да, в деревне рождены
Мои грустные мотивы.
Для моих стихов даны
Голубеющие нивы.
Вы родились в городах,
Где лишь камень да железо.
В ваших крепнущих стихах
Гулкий посвист паровоза.
В моих песнях голубеющих
Грусть-тоска неизъяснимая
И веселье в поле зреющем,
До небес перевозносимое.
В вашей жизни только слышится:
Сталь, бетон и снова сталь.*

*Наши хаты – деревянные,
Золотые верхи крыш.
Под окном благоуханная,
Голубеющая тишь.
Ваша улица – бетонная
Не тоскует в городах,
Синей далью опьянённая,
В голубеющих садах.
Ваша песня не сживается
С жёлтой рожью на гумне.
Жёлтый колос вспоминается,
Зачарованному мне.*

В этих ранних поэтических опытах деревенского паренька оживают образы и мысли гениального Клюева. Владимир чувствовал духовную связь с этим поэтом. Удивительный факт: когда арестованный больной Клюев проводил свои последние дни перед расстрелом в тюрьме Томска, другой, ещё совсем юный, деревенский поэт на другом краю России посвящает ему стихотворение, которое начиналось так:

*Твой бревенчатый дом пошатнулся,
Затворилось с дороги окно.
Синий вечер тебе улыбнулся
И ушёл далеко за гумно.*

А заканчивалось это стихотворение Владимира такими словами:

*Увядающей, стихнувшей славы
Золотой догорает киот.
.....
Не шумите леса и дубравы -
Новый с поля поэт придёт.*

Это стихотворение-реквием было написано Владимиром 11 октября 1937 года, а Клюев был приговорён тройкой НКВД к «высшей мере социальной защиты» 13 октября и убит через десять дней.

Перед войной Владимир служил в армии в Москве, поэтому в начале войны оказался на штабной службе, был адъютантом генерала Кокарева. Но всё время просился на передовую. Однако с ним, как с хорошим адъютантом, генерал не хотел расставаться. И только летом 1943 года Владимир в должности старшего лейтенанта стал командиром роты и 25 июля этого же года он погиб в бою около Синявина.

На фронте он написал много хороших стихов, познакомился с поэтами, переписывался с ними. Как и любой искренний поэт, Владимир обладал пророческим даром и предвидел свою раннюю смерть.

Надежде Феофановне и Степану Митрофановичу пришлось пережить смерть и второго сына. Его кратковременные приезды в первые годы войны были для них утешением. Владимир заезжал на один-два часа, а иногда и на несколько минут, когда по делам службы был в командировке и проезжал мимо родного города. Он появлялся стремительно: выкладывал в качестве подарка продукты своего офицерского пайка, оставлял свои новые стихи, в рукописи или опубликованные во фронтовой газете, жадно расспрашивал о жизни всех родственников и, растревожив родителей, мчался снова на вокзал. Мать умоляла: «Володюшка, останься хоть на сутки дома!» Но от не мог этого

сделать. В последний раз, видимо, предчувствуя, что больше не бывать ему в родительском доме, Владимир попросил сохранить все его рукописи и сборники стихов других поэтов, подаренных ему с автографами, в деревянном сундучке до окончания войны. Этот сундучок не раскрывался до 1956 года. Мать всё ждала возвращения сына и не могла поверить до конца, что его нет в живых.

Накануне того дня, когда пришло известие о гибели сына, ей приснился кошмарный сон, будто на их дом напали красные отвратительные крысы, загнали её в кухню, и она пытается спастись от них, кричит, умоляет кого-то о помощи. Появляется соседка Зинаида и выводит её оттуда.

На другой день, когда она одна изнемогала под тяжестью полученного известия (дома никого не оказалось в этот момент), на помощь ей действительно пришла Зинаида, которая услышала через стенку её рыдания и поспешила на помощь.

После такого удара здоровье Надежды Феофановны уже нельзя было поправить. Но жизнь продолжалась ради других детей – двух дочерей и сына, для которых она всегда была утешением и отрадой.

* * *

В двадцатом веке русское крестьянство приняло на себя самые страшные удары враждебных России сил. Мы должны это помнить и передавать потомкам.

ВЛАДИМИР КАЛАЧЁВ

***НОВЫЙ
С ПОЛЯ
ПОЭТ
ПРИДЁТ***

Квасюнино - Череповец

1936 – 1938 гг.

БЕЛЫЙ КОНЬ

И.Ф. Валькову

Белый конь мой, тише, реже дышит,
Только синие глаза лихи.
Вдалеке синеют чьи-то крыши
И пропели чьи-то петухи.
Добрый конь, люблю я бег твой вешний,
Голубой огонь в лихих глазах.
Раздаётся в роще где-то песня
О любви, об искренних словах.
В вышине потухли звёзды-свечи;
На заре меня мой конь принёс.
Прозвеневши цепью, мне навстречу
Выбежал обрадованный пёс.
За рядами хижин, за деревней
Вешний ветер в чащах прошумел.
Вспомнил я, как на заре весенней
О незримой молодости пел.
А заря взойдёт и снова гаснет,
Об ушедших в прошлое грустя,
О словах, истраченных напрасно,
И о тех, кого любил шутя.
Под восход весенний, замирая,
Прозвенит о прожитом гармонь.
Вешний снег копытами взрывая,
Пробежит, проскачет белый конь.
Пробежит за вспаханные межи,
Меж полос копытами стуча.
Кто-то пропоёт о дальнем, нежном
На ладах таинственных звеня.
Белый конь мой скачет словно вестник,
Под ногой синеет вешний снег.
Я другую – радостную песню
Пропою под быстрый конский бег.
Просияет в искреннем порыве
Голубой в лихих глазах огонь.
И с седой, вьющеюся гривой
Пробежит, проскачет добрый конь.

Череповец, 2 февраля 1937 г.

* * *

Я покинул родную деревню,
Старый дом и широкий двор.
Ветер вешний поёт мне обедню,
Пережитым туманится взор.

Вешний ветер, ласкающий ветер,
Погоди так на север бежать,
В золотистом весеннем рассвете
Обними мою милую мать.

Журавли, вы на север летите,
Может, встретите старую мать,
Обо мне ей, хорошей, скажите,
Я хотел бы её повидать.

Ей родимой одной передайте,
Что я часто тоскую о ней.
Криком вешним поля оглашайте,
Край родной полюбил я сильней.

* * *

Что найду я в бессмысленном сне?
Разве сон убаюкает грусть?
Только снится да бредится мне
Голубая под месяцем Русь.

В сне тоскую я только сильнее
О былом, невозвратном, родном.
Только снится – под сенью ветвей
Мой родной опустевший дом.

Только чаща осин за двором
В перезвоне трепещет осеннем.
Перед взором встаёт отчий дом,
Только грезится сладко деревня.

* * *

Дуйте, ветры буйные,
Дуйте, завывайте.
Бедную головушку
На плечах качайте.

Детство моё милое
Видно отцвело.
Снова вспоминаю,
Что прошло давно.

За окном мне видится
Мокрая трава.
Листья пожелтевшие
Падают с куста.

Вижу пред собою
У плетня бурьян.
И растёт у дома
Тополь-великан.

Далью голубою
Улыбнутся взоры.
Милая деревня,
Ветхие заборы.

Синие овраги,
Перелески, межи.
Золотое детство,
Где ты? Где ты? Где же?

* * *

Золотое детство
Давно уж прокатилось,
Дней удалых радость
Давно уже забылась.

Месяца сиянье
Над моею хатой.
Моя юность ранняя
Счастьем не богата.

Жить мне захотелось,
Позабыв тревогу.
Выхожу я снова
Утром на дорогу.

С домотканой сумкой,
С посохом древесным.
Снова я пускаюсь
В путь мне неизвестный.

* * *

Пахнет сжатой жёлтой рожью,
Свежим запахом озёр.
И снопы у придорожья
Не охватит сразу взор.

И всегда под вечер поздний
Слышен конский, поздний бег,
Крик гусей неугомонный,
Звучный скрип колёс телег.

Наши кони сильно рвутся
На затянутой узде.
А затем они несутся
По широкой борозде.

* * *

Сергею Есенину

Синий месяц – синий цвет,
Даже синие стёкла в окне.
С золотыми кудрями поэт
И сегодня придёт ко мне.

И в родимой старинной хате
Этой ночью я не усну.
Песнь слышу за дверью дощатой –
Перед гостем её распахну.

Прочитает он мне «Голубень»,
Золотую, и «Марфу Посадницу»,
Лишь в окне проблеснёт белый день,
Пропоёт голубую «Трерядницу».

И уйду вместе с ним отсюда,
Этот мир навсегда покину.
Пропоёт обо мне панихиду
Голубая за плетнем осина.

28 января 1936 г., д. Квасюнино

* * *

Я смотрел в загрустившие дали
В предрассветный, в предутренний час.
Только синие звёзды мерцали,
И светящийся месяц погас.

Слушал я задремавшие дали,
Песни ранних лесных соловьёв.
До меня лишь едва долетали
Перезвоны глухих голосов.

Я вдыхал ароматные дали,
Запах скошенных трав и цветов.
Блики их в синеве трепетали –
Белых, смятых сухих лепестков.

Я стремился в безбрежные дали
Голубых бесконечных полей.
Но в ответ только грустно шептали
Молодые листы тополей.

Я кричал в беспредельные дали –
Эхо тихо лишь вторило мне,
Да дремотные совы кричали
В голубой и глухой тишине.

К.И. Валькову

То ли свет погас за окном,
То ли звёздная даль загрустила,
Или ночь мой бревенчатый дом
Голубым одеялом накрыла.

Я не знаю: то вечер иль день?
Только знаю, что это весна.
Эта песня родных деревень
Вновь весенним дыханьем полна.

Я не знаю: то смех или грусть,
Иль тоска на душе у меня.
Расцветает черёмуха пусть
Нежным запахом майского дня.

Вместе с синею далью полей,
С задремавшею рощею ив
Слышу раннюю песнь лебедей,
Их печальный, призывный мотив.

Да и сам я порой при луне
В бесконечной тоске кричу.
Неужель не откроешь мне
Свою дверь — я давно стучу.

Череповец, 1936

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, моя светлая, ясная свеченька,
Спи, моя крошка, усни.
Звёзды в тумане зажглися над реченькой,
В хатах погасли огни.

Спи, моя милая, нежная крошка,
Плакать, мой свет, престань.
Месяц тебе улыбнулся в окошко –
Светит сквозь синий туман.

Буду ли знать я, как ты, моя крошка,
В жизни окончишь свой путь?
Месяц устало смеётся в окошко.
Дай мне, мой свет, отдохнуть.

Спи, моя кроткая, ясная свеченька,
Спи до рассветной зари.
В дали холмов, за туманною реченькой
Чудно горят фонари.

4 апреля 1937 года. Череповец.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Твой бревенчатый дом пошатнулся,
Затворилось с дороги окно.
Синий вечер тебе улыбнулся
И ушёл далеко за гумно.

Знал ли ты, что твой гений не вечно
Будет в славе отпетой жить,
Перестанет манить в синий вечер,
По земле без пути бродить.

Ты по-прежнему тихий и нежный,
Дни считая, в тоске поёшь,
Как горит при заре Заонежье,
Как шумит васильковая рожь.

И мне жаль, что поэт весёлый
Приходил из-за Свити-реки,
Что теперь не услышат сёла
Избродившей страну клюки.

И над Русью всё реже и реже
Шёпот песен избяных твоих.
Только так же, как в старь, Заонежье
Кадит запахом мёда хвои.

Отцвели Заонежские травы,
Прозвенел голубой ледоход.
Догорающей меркнувшей славы

Золотой догорает киот.

И не звать тебе славу, не кликать.
Только бархат зелёных мхов
С розоватою росной брусникой
Приласкает тоску стихов.

Ну а мне, как совсем немногим,
К новым дням любовь не дана.
И когда при заре на дорогу
Выйду я – не суди меня.

Будет с песней бродяга тихий
Без пути бродить по Руси –
Проходить по полям, по гречихам
И у жизни прощенья просить.

И тогда, над заборами свесясь,
Как начищенный медный поднос,
Хохотать надо мной будет месяц
До безумья, до плача, до слёз.

Увядающей, стихнувшей славы
Золотой догорает киот.

.....

Не шумите леса и дубравы -
Новый с поля поэт придёт

11 октября 1937 года. Череповец.

* * *

Я далеко ушёл вперёд
От тех, с кем шёл неравным шагом.
Их путь - цветущий огород,
А мой - глядит увядшим садом.

Там за пригорком, за холмом
Их шаг отчётливей и чище.
Мой - с каждым часом, с каждым днём
Ещё беззвучнее и тише.

От бездорожья новых лет
Охрип мой голос, прежде звонкий.
И сквозь закат и сквозь рассвет,
Иду с судьбой на перегонки.

И знаю, я приду к ночи,
А те, с кем шёл, придут к рассвету.
Мои холодные лучи
Осветят новую планету.

Рассвет расколыхнёт зарю,
Осветив тех, кто шёл за мною.
И я с улыбкой посмотрю
На счастье общее, земное.

Я рад шагать, я петь бы рад,
Как все бы вызов жизни бросил,
Но только мой зелёный сад
Отцвёл, осыпался под осень.

Я далеко ушёл вперёд
От тех, с кем шёл недавно рядом.
Иду – и чую поворот
К сырой кладбищенской ограде.

15 июня 1937 год.

* * *

Я кормил коня из рук травой,
Вороного быстрого коня ...
Он кивал красивой головою,
Ржаньем звучным нежно звал меня.
Бил он в землю тонкою ногою,
И в глазах горел лихой огонь.
Удила кусал и под дугою
Рвал аркан мой быстроходный конь.

Я кормлю коня, пою и холю,
Крепь и прыть, и силы берегу.
На коне помчусь я завтра в поле.
На заре. Цветами на лугу.
Буду видеть я и буду слышать –
Ноздри тонкие коня дрожат,
Конь мой трепетно и ровно дышит,
В удилах упрямо рот зажат.

Не пади, не выдай, конь мой милый!
Доскачи до цели быстрый конь.
У меня в крови бушуют силы
У меня в крови горит огонь.

*Кто ты, пришедшая сначала
Ко мне как радость бытия?
- Меня уж нет, - она сказала, -
Была я - молодость твоя.*

К. Павлова

**ВЛАДИМИР
КАЛАЧЁВ**

**П Р О Щ А Н И Е
С Р О М А Н Т И К О Й**

Череповец - Москва

1938 –1940 гг.

* * *

Собери котомку, мама,
Положи мне в узелок
Две рубашки полотняных,
Полотенце да платок.

Да ещё вот захвачу я
Томик Блока, чтоб в пути,
Вспомнив девушку родную,
Строчки нежные найти.

Где-нибудь в горячем бое
Кровь польётся ручейком,
Рану жесткую закрою
Твоим беленьким платком.

Собери бельишко, мама.
Утром раньше разбуди.
Не печаль меня глазами –
Путь далёкий впереди.

ПОДАРОК

В моём чемодане есть красный мундштук,
Давненько его подарил мне мой друг.
Когда мы прощались, когда он поехал,
Мундштук подарил он мне просто для смеха.
Мундштук подавая, смеясь, он сказал:
«Вот эту вещичку в зубах я держал...»

Давно это было. Когда – я забыл.
Но этот подарок с собою возил.
В дорогу иду – чемодан открываю
И друга хорошего я вспоминаю.
По правде скажу, я ведь сам не курю,
Но друга подарок с любовью храню.

Время уносит друзей и родных,
И памятью станет подарок от них.
Вещичка, пустяк ли такой, как мундштук,
Напомнит, что где-то далёко есть друг.

* * *

Когда-нибудь в края родные
Вернёшься ненароком ты,
Припомни годы золотые,
Мою любовь, твои цветы.

Под тень вечерового сада
Войди одна и там в тиши
На старой каменной ограде
Ты слово *юность* напиши.

* * *

Я помню, я люблю мой городок родной.
Студенческие годы, девушки, друзья -
И юность милая стоит передо мной,
Но юность кончилась – все в разные края.

<...>

Как будет географии урок –
Я вспомню юность, тихий городок,
Открою тихо классную тетрадь,
На вызов выйдет радостный юнец –

Я попрошу на карте показать
Мой городок родной – Череповец.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Пахнуло свежестью берёзовой,
Разбилось зеркало пруда,
И вот покрылась предгрозовой
Прозрачной синевой вода.

Как будто капли золотые
Вдруг солнце бросило в песок,
И тёплый дождик запятые
Роняет в пруд наискосок.

Повисла сетка дождевая
Над шёлковым березняком,
И говорит вода живая
Весёлым, резвым языком.

Где роща за рекой уснула,
Где тает запах полевой,
Под голубым дождём июля
Пройду с открытой головой.

* * *

Рассвет росой июльской забрызгал
Широкие капустные клубни,
И спрятался наш деревенский выгон
В растянутой берёзовой тени.

С берёз на огород пахнула свежесть,
И снова пахнет зрелой лебедой ...
И мама на крылечке загляделась
На огненный восток, на золотой.

Сошла с крыльца и встала у колодца.
И как не улыбнуться тут заре,
Когда от солнца краска остаётся
У матери на крашеном ведре.

ЭХО

Игайка – речонка дорогая
Заросла в извилистой ольхе...
Снова выхожу на берега я
С лермонтовским томиком в руке.

Запах клевера медовый тает,
В Игайке звенящая вода.
Эта речка мне напоминает
Отошедшей юности года.

За холмы скатился вечер красный,
По тропинке по береговой,
Где огни купальские погасли,
Ходит эхо юности былой.

* * *

Мне молодость снится моя
В разлуках и памятных встречах:
Мне снятся родные поля
И летний, задумчивый вечер.

Шумит перед выгоном рожь,
И ты, оглянув поле впристаль,
Знакомой дорогой идёшь,
Уходишь из дому на пристань.

Затих кривоноговский лес, *
В закате Квасюнино, поле ...
И дом в предвечерний отъезд,
И сад тебе жалко до боли.

* Лес, растущий недалеко от деревни Квасюнино, назывался
Кривоногово.

* * *

С узелком на берег вышел.
Тихий вечер на Шексне.
Оглянусь – родные крыши
Пропадают в синеве.

Станут памятью последней
На песке мои следы,
Над уснувшей деревней
Зазвеневшие лады.

Про любовь поют ребята –
Песню эхо принесло.
Опускается с закатом
Лета крашено весло.

* * *

Каждый вечер свистят пароходы,
Каждый вечер кого-то зовут ...
Молодые весёлые годы
От своих берегов отплывут.

Уплывут пароходами быстрыми,
Отшумят, повинуюсь ветрам,
Отгорят разноцветными искрами,
Подойдут к дорогим пристаням.

<...>

Распылённое жизни начало
Не отметит на грани дорог,
Где какую любовь укачало,
Где какой захлестнуло восторг.

Каждый вечер гудят пароходы,
Каждый вечер куда-то зовут.
Молодые весёлые годы
Пароходным дымком уплывут.

РАЗЛУКА

В мелкой речке быстрая вода
Уговаривает девичью печаль. –
Полюбила парня навсегда,
Дорогого парня очень жаль.

Босиком на золотой песок
Выходила в тихий вечерок,
В струи - руки, словно два крыла,
И в ладони воду чистую брала ...

Тяжело девчонке молодой,
Горькую печаль не утопить.
Наклонила ива над водой
В струи ветви, словно хочет плыть.

Девушка, как ивушка, одна
И печалью вечера полна.
Сердце замирает от разлуки,
Уронила голову на руки.

Где страдала – счастье, счастье где?
Или утонуло навсегда
В светлых струях, в голубой воде?
В мелкой речке быстрая вода ...

* * *

Я помню тихий майский вечер,
Весёлый праздник юных дней,
Я помню радостную встречу
В вечерней горнице твоей.

За двери низкого балкона
Ты вышла проводить меня.
Огнём заката опалённый,
Погас зелёный отблеск дня.

И помню: руку положил я
Тихонько на твоё плечо —
Ты что-то нежное сказала
И поглядела горячо.

Не повторить твой голос зыбкий,
Не передать невинность глаз —
В твоей застенчивой улыбке
Твоя любовь передалась.

Пусть звуки праздника затихли,
Пусть трезвость разума зовёт,
Но помню вечер майский тихий
И расставанье у ворот.

* * *

Прощай задумчивое лето
И уходящее тепло.
Сиянье солнечного света
Из тихой рощи потекло.

И предосенняя прохлада
Под россыпь августовских рос
Летит в лицо из-за ограды
От шёлковой листвы берёз.

В кончине голубого лета,
В уходе августовских дней –
Неповторимая примета
Кончины юности моей.

Прощай задумчивое лето
И синих, ясных дней кольцо,
Мне осень ранняя с приветом
Пахнула свежестью в лицо.

* * *

Убавляя в клёнах соки,
Кто зажёт костёр живой,
Кто зажёт костёр высокий
За оградой садово́й?

Кто на узенькой дорожке
Охладил слегка песок,
У раскрытого окошка
Бросил тень наискосок?

Кто разносит над кустами
Переспелых ягод дух,
Кто разносит вечерами
Эхо звонкое за двух?

Кто спускает солнца нити
В пруд, что зеркалом блестит? ...

На пороге у калитки
Осень тихая стоит.

* * *

На осеннюю малину
Лил закат вечеровой.
Замер оклик журавлиный
Над деревнею родной.

Золотой закат не тает,
И горит узор кустов,
Дремлет, листьев не роняет,
К зимней праздности готов.

И в покое палисада,
Где малинник под окном,
Голубая ночь. Прохлада
Машет ведренным крылом.

Пахнет ягодой последней
Над серебряной травой.
Это осень по деревне
Ходит с рыжей головой.

* * *

Поля туманные, до встречи!
И осенний тихий лес,
Пахни смолой в последний вечер
На запоздалый мой отъезд.

Остановлюсь, как бы безмолвный,
Всё в памяти переберу.
Воспоминаний милых полный,
Любимой имя назову.

Я вновь вернусь грядущим летом
В хоромы новые твои,
А в этот час перед отъездом
Смолистым духом напои.

* * *

Тихий, мягкий день осенний
На закат направил бег.
Словно брызги белой пены,
Закружился первый снег.

В этой свежести предзимней
Из-за чащи голубой
Слышу оклик лебединый
Над прохладой ключевой.

Этот вечер будет гранью,
Сразу вставшей на холмы,
Поздней осени и ранней
Набегающей зимы.

* * *

Мимо низенького дома,
Мимо белого окна,
Тихой улицей знакомой
Проходила я вчера.

Проходила на закате,
Встречи прежние любя,
Проходила в белом платье –
Надевала для тебя.

В сердце грусть, в истоме тело,
И в глазах моих темно.
Всё глядела, всё глядела
На заветное окно

Шла дорожкой в платье белом,
Встречи прежние любя.
Все глаза-то проглядела,
Но не встретила тебя.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Ни гостя, ни друга ... Нет никого.
В горнице белой тихо и строго.
На подоконник склоняюсь головой,
Снова и снова гляжу на дорогу.

Жду ли кого, иль жалею о ком,
Или досада мне голову клонит.
Вот бы рососою бежать босиком,
К звёздам поднявши ладони.

Не от того ль, что она не пришла,
Думы на сердце, как росный ливень.
Вот не пришла - и для дум хороша.
Вот не пришла - и для песен красивей.

* * *

Я в этот вечер пожалею
Лишь об одном, что я один.
Вхожу в осеннюю аллею
Под ярким пламенем рябин.

Мы вместе здесь читали Блока
И вместе верили в любовь.
Мы счастье видели высоко
У жизненных первооснов.

Воспоминанием влекомый,
Перебираю день за днём.
И снова вижу стан знакомый
Над облетевшим ивняком.

* * *

А. В. Ивановой

Ах вы, кони мои чёрные,
Мчитесь вы, уздой звеня.
Очи синие, проворные,
Загубили вы меня.

Песни буйные, унылые.
Да тоскую день и ночь.
Пронесу на конях милую,
Прокричу: «С дроги прочь!»

«Сторонись, одет и босый!» –
Крикну громко на лету.
В эти шёлковые косы
Ленты алые вплету.

Очи синие, проворные,
Я других не знаю глаз.
Ах вы, кони мои чёрные,
Разбужу с зарёю вас.

12 марта 1937 года. Череповец.

* * *

Дымок душистой папироски
Хороший день напомнил мне:
Туман предутренний июньский,
Дым парохода на Шексне.

У старой пристани деревья.
За перелеском голубым
Мелькнула милая деревня
Перед восходом золотым.

За встречей радостной, приветной
Я навсегда запомнить мог:
Гулянье, песни в праздник летний
И неразгаданный восторг.

В воспоминанье не случайны:
Дым папироски,
Пароход,
Приезд домой,
Река в тумане,
Деревня,
Встреча
И восход.

МОЕЙ ЗНАКОМКЕ

Ты в синем предвечернем свете
Прочтёшь забытое письмо,
С улыбкой вспомнишь строки эти
И имя назовёшь моё.

И вспомнится любимый парень,
Письмо перевернёшь рукой –
На миг зажжёт скупая память
Глаза неясною тоской.

Полулюбовь, полуволненье
Встревожат нежные слова.
Любви далёкой в поклоненье
На руки ляжет голова.

* * *

Когда прощаются надолго,
Когда уходят в дальний путь,
Считают перед другом долгом
Дарить на память что-нибудь.

И в этот час перед прощаньем
Какой подарок будет дан,
Как милое воспоминанье,
Как вечной дружбы талисман.

Среди подарков, знаешь сам ведь,
Есть дорогие пустяки.
Я подарю тебе на память
О дальней юности стихи.

* * *

Милое тихое лето
Мчит мне конец роковой.
В медленных шорохах где-то
Рано теряет покой.

Рано мне свищет синица
Горечь разлуки опять.
Нет, не могу примириться -
Чтобы тебя утратить ...

Где ты, знакомка, родная?
Где твоей юности дым?
Юность свою вспоминая,
Ты и меня вспомяни.

Вспомни последнюю встречу,
Синего августа грусть ...
Мне остывающий вечер
Шепчет, что я не вернусь ...

И за исхоженным парком
Над обмелевшей рекой
Лето в сиянии ярком
Рано теряет покой.

1939 г.

* * *

Не погасить разлуке горькой
Любви дымящийся восторг:
Ношу в кармане гимнастёрки
Красивый вышитый платок.

С мечтою о грядущей встрече
В любой далёкой стороне
С подарком от любимой легче
Переносить разлуку мне.

Когда от милой писем нежных
Я не держу в своей руке —
Горит таинственно-мятежно
Простое имя на платке.

* * *

Я махнул рукой – пусть плачет,
Уговаривать не стал.
Я не мог назвать иначе –
Нехорошею назвал ...

Может дождик виноватый,
Что укор в моих словах,
Что цветы капризно смяты,
Что она стоит в слезах ...

Нет милее Валентинки,
Если молвит, уходя:
«Это, милый, не слезинки,
Это капельки дождя ...».

У ОКНА

Перед торжеством недальним
В сад распахнуто окно.
Сердце, как перед свиданьем,
Ожиданьем стеснено.

Потому мне и не спится,
Что заря, как водопад,
О стекло должна разбиться
И забрызгать палисад.

* * *

Есть минута тихая
В сумерках зимы,
Когда часы, потикивая,
Говорят из тьмы.

В этих звуках тоненьких,
Как издалека –
Перебор гармоник,
Песня ручейка.

Погляди на узкую
Полосу зари -
Выслушаешь музыку
Сумерек зимы.

И услышишь близкие
Сердцу имена ...
Шелестит записками
Темень – тишина.

* * *

Отблеск красного заката
Догорает на окне ...
Как с тобою я когда-то,
С тишиной наедине.

Вот как будто мчатся сани,
Ты взбегаешь на крыльцо –
И морозом, и дыханьем
Обжигает мне лицо.

Но напрасно так гляжу я –
Не приедешь – далеко ...
Разлились мороза струю
На туманное стекло.

* * *

Мы на первом льду катались,
(Детство – милая пора).
Невзначай – поцеловались,
Не любовь была – игра ...

Детства нет уже... Не скрою,
Только ты не прекословь,
Что неискренней игрою
Назову сейчас любовь ...

* * *

Чья-то новенькая хромочка
Играет на заре ...
Синеглазая девчоночка
Жила на хуторе.

Не найти дорожку эту,
Где гулял и провожал
Нежной молодости лето,
Где расстаться было жаль ...

Не любимой улыбаюсь –
На зелёную зарю ...
Я не пьяный, да шатаюсь
И никак не прикурю ...

* * *

Ничего такого не случилось,
Что назвать бы небылицей мог:
Просто синие глаза лучились,
И в глазах играющий восторг ...

К зрелым дням, сквозь боевые годы,
Взгляд, случайно встреченный в лесу,
Как любовь, сквозь дымные походы
Через все атаки пронесу.

* * *

Назвала меня настойчивым
И заплакала сама:
«Пусть всё между нами кончено,
Не сойду же я с ума ...»

На плечо головку свесила ...
Взгляд взволнованный ловлю.
И промолвила вдруг весело:
«За настойчивость – люблю!»

* * *

Тишина в доме какая!
Окна настежь отвори,
Блеском стёкол высекая
Искры первые зари.

Очарована рассветом
У раскрытого окна
Золотым чудесным светом
Ты стоишь озарена.

Теплота плывёт по коже,
И невольно весь горю,
Потому что ты похожа
На весёлую зарю.

* * *

Я проводил её, но всё же
Она опять передо мной.
И мне тепло, хотя по коже
Пахнуло свежестью лесной.

Как в дальней юности, влюблённый
Я создаю опять мечты ...
Нет никого. Лишь лес зелёный
Да духовитые цветы.

Июньский лес перед рассветом
Как бы прислушался, затих ...
Вхожу в жилище. И при этом
На стол ложится первый стих.

* * *

От преждевременной разлуки
На память остаются мне
Лишь лета северного звуки
Да милый город в тишине.

Что наше счастье быстротечно,
Друг другу скажем. Всё равно –
Но в тайниках души навечно
Страданием будет нам оно.

Пусть час свидания - на убыль,
Но теплота лукавых глаз
И что-то шепчущие губы
Пусть обожгут в последний раз.

* * *

Есть примета - по речной воде
Осени начало узнают.
По глазам узнают, сердце где
Потеряло радость и уют.

Если осень – звонкая вода
Замолкает в тихих берегах.
Если замедляют бег года –
Убывает молодость в глазах.

Когда осень жертвенником чувств
Загорится, яркая, как кровь,
Я к любимой в двери постучусь,
Я скажу: « Не умерла любовь!»

НОЧЬЮ

Ночь стоит знакомым силуэтом,
И дымится тихая земля.
Ярко светят в голубом рассвете
Звёзды знаменитого Кремля.

Молодость! Но дни пройдут. Уеду,
И в деревне, в северном краю,
Я припомню в дружеской беседе
Молодость военную мою.

Летней ночью встану у колодца
Под открытым низеньким окном.
И в счастливой памяти прольётся
Яркое сиянье над Кремлём.

Ночь прошла знакомым силуэтом.
Медленная синь - во все края.
Спи спокойным сном перед рассветом
Родина любимая моя.

ИЗ ПИСЬМА

Быть может, в середине лета
Приеду в городок родной
И в час июльского рассвета
Пройду по тихой мостовой.

Пройду знакомую аллею,
Твои любимые места.
Пусть всё прошло... Но пожалею,
Что только ты уже не та.

...Русь, - живи!

Н. Языков

В.С. Калачёв. Фотография военных лет

ВЛАДИМИР КАЛАЧЁВ

В П У Т И

Действующая Армия:

Волховский фронт – Ленинградский фронт.

1941 – 1943 гг.

* * *

Парень уезжал на фронт.
Последний раз подошёл
к роялю,
тронул рукой клавиши —
и звуками назвал имя
далёкой девушки.
Во втором аккорде
вылилось
Величье Родины.
А когда друзья окликнули
его
Парень взмахнул рукою,
и
в последнем аккорде
грянуло
грозное слово «борьба»!

ВЕЧНА

Зола да пыль на пепелище,
И жизни, думаешь, конец.
Но как светло, когда засвищет
На старой яблоне скворец.
Здесь был народ.
Здесь жизнь кипела.
Сейчас – равнина и покой:
Сгорело всё, лишь уцелела
Скворечня с яблоней сухой.
Но и гнетущему покою
В ответ и в оправданье есть
(Врагам да будет роковое)
Победоносной силы месть.

ДОРОЖНЫЙ МОТИВ

Звёзды все погасли, лишь одна
Над моей дорогою видна.

В этот час скрестились все пути –
По одной дороге мне идти.

Путь держу один – в горячий бой.
Прощаюсь, милая, с тобой.

Ты меня на бой благослови
Верностью мучительной любви.

Близок бой, и в сердце ты одна.
Пью любовь, но не испить до дна.

ТВОЁ ПИСЬМО

Конверт в пыли
И почтальон в пыли.
И счастью этому ещё не верю,
Как будто жизнь вторую принесли
С твоим письмом
На нашу батарею.
И всё милей,
Когда твоя рука
В письме слова такие начертала,
Чтоб бить врага я мог наверняка
И сохранить любовь
Светлей кристалла.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Безголосая ночь опустилась
На изъеденный пулями лес.
По траншеям болотная сырость
Собралась с неизведанных мест.
Возле дзота, водой залитого,
Вихрь огня пролетит, прометёт.
Но душа для сражений готова,
И готов, как душа, пулемёт.
Здесь в томительных днях обороны
Зреют солнцем в предутренней мгле
Путь на запад, ещё не пройденный,
И свобода родимой земле.

КОММУНИСТ

С простой медалью «За отвагу»
На кровью залитой груди,
Назад не сделал он ни шагу,
Врагам дорогу преградив.
Была отменная работа:
Ползли враги со всех сторон.
Один в живых у пулемёта
Косил врага. И был сражён.
Душа на смерть была готова,
И он пощады не просил,
Он в битве пламенное слово
В святое дело претворил.
Пусть рядом смерть,
Но сердце чисто.
И цель одна была – вперёд!
Бессмертный подвиг коммуниста
И нас на подвиги зовёт.

АВТОМАТЧИК

Над дорогой фронтовою
Опускается закат...
Замолчал во время боя
Безотказный автомат.
Не искал за жизнь поруки,
Смерть свою не счёл бедой -
На песке раскинул руки
Автоматчик молодой.
Бил фашистов парень метко,
Был один за семерых,
Прикрывал отход разведки,
Спас товарищей своих.
При дороге запылённой
Под ракитовым кустом
Автоматчик спит спокойно
На песке на золотом.

ЗНАМЯ

Взвейся, знамя полковое,
На врага в штыки пора.
Крепнет наше боевое
Многозвучное «Ура!...»

Знамя к чести призывает
Побеждать всегда врага
И навеки утверждает
Славу русского штыка.

Вейся, пламенное знамя,
В бой решительный веди.
Наша Родина за нами,
А победа – впереди.

РАЗВЕДЧИК

В лесу часовых перекличка,
Но к цели пробраться он смог:
Последняя вспыхнула спичка –
Встаёт над поляной дымок.
И шепчет разведчик: «Скорее!
Пусть мечется пойманный враг!»
И грянули все батареи
Туда, где был огненный стяг ...

Прочли в боевой перекличке
О смерти героя приказ ...
Пожаром от маленькой спички
Зовёт он на подвиги нас.

ПОРТРЕТ

Вместе с пламенной любовью
Я дарю тебе портрет
И заранее приготовлю
Для тебя один ответ:
«Если слишком взгляд спокоен,
Это просто потому -
Я страны родимой воин,
Нужно быть таким ему.
И упрямо губы сжаты,
В них улыбка не скользит,
Это значит враг проклятый
На родной земле стоит.
Я на битву устремился,
И не знаю – мил, не мил?
Пусть лицом я изменился,
Но тебе не изменил».

ВЕРНОСТЬ

Завечерело.

Воздух свеж и мглист,

За горизонтом катится гроза.

В руках письмо держал артиллерист,

Вниманьем были скованы глаза.

Но вдруг разрыв –

Артиллерист упал

(В таком конце не отыскать ошибку).

Письмо от милой

Он не дочитал,

Но удержал

Счастливую улыбку.

* * *

Быть может, за разлукой долгой
Ты позабудешь образ мой.
Забудешь голос и глаза

Пройдёт военная гроза,
И я попутною дорогой
Под вечер забреду домой ...

И вспомню я при нашей встрече
Бои смертельные в лесу
И сил последних напряжение ...

Но я не покажу волненье.
После того, что видел – легче
Измену я перенесу

* * *

Запахло пылью придорожной,
И ясный полдень на пути.
Над отцветающею рожью
Ясней простора не найти.

Ещё раздумьям и тревогам
Не настанет конечный час,
И по просёлочным дорогам
Пройду в огне боёв не раз.

КОМАНДИР

Их было всего восемнадцать,
И в этом неравенстве сил,
Чтоб сквозь окруженье прорваться,
Шесть раз он в атаку ходил.

Шесть раз....! И товарищи знали:
У них командир волевой,
В глазах - ни дыминки печали,
И в сердце – огонь боевой.

Погиб командир ... Огневые
Три раны темнеют в груди.
Прорвались друзья боевые,
Носилки несут впереди.

Несут на походной палатке.
Багряный закат на лугу ...
В их тихой и твёрдой походке
Презрение и злоба к врагу.

ПУЛЕМЁТЧИК

Слепнет ночь. Траншея опустела.
Бой окончен. Пулемётчик спит.
Кажется, что каждой складкой тела
С пулемётом воедино слит.

В жаркой схватке крепко поработав,
Спит, хвалы себе не говоря,
Руки не снимая с пулемёта,
Крепким сном бойца-богатыря.

НА ПРИВАЛЕ

На фронтовом пути с востока,
Далёкий совершая марш,
У обмелевшего истока
Отряд остановился наш.

В минуты сна, в часы похода,
В любое время ночи, дня
Родная русская природа –
Как исцеленье для меня.

По всем путям пройдя с боями,
Я разлюбить никак не мог
Облитый кровью и слезами
России каждый уголок.

У обмелевшего истока
И в этот вечер на мосту
Я помяну словами Блока
Природы русской красоту

У КОЛОДЦА

К колодцу быстрою походкой
Едва успевши подойти,
Боец поднял с водой пилотку
И пьёт за здоровье в пути,
И за грядущее сражение,
В котором будет нелегко ...
Но улыбнулся широко,
Своё увидев отраженье.

СЛОВО О РУССКОМ СОЛДАТЕ

В начале жаркого сраженья,
Почувявши нерусский дух,
Боец стремительным движеньем
Сражает насмерть сразу двух.
Потом, когда волной воздушной
Был опрокинут на пути,
Наказу Родины послушный,
Он встал и продолжал идти,
Круша врага. Но при разрыве
Сам рухнул наземь недыша.
И в этом в боевом порыве -
Солдата русского душа.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Песок сыпучий под ногами
И верный автомат в руке.
За опалёнными кустами
Темнеет дзот невядалеке.
Пятнаацать ставим на прицеле ...
И ждём ... Прошелестел снаряд ...
И снова ждём ...
(Мы ждать умели),
Когда все в раз заговорят.

У НЕИЗВЕСТНОЙ МОГИЛЫ

Песчаный холм возле дороги,
А под холмом, под тем холмом
За гранью жизненной тревоги
Здесь спит боец последним сном.
Обозначением покоя
И памятником навсегда
Солдата русского рукою
Над ним вознесена звезда ...
Пройдут года, и здесь прохожий,
Рукою пыль смахнув с лица,
Привет – поклон земной положит
Перед могилою бойца.
Как ныне будет через годы
Немеркнущая никогда
Обозначением свободы
Красноармейская звезда.

ВСЕВОЛОДУ РОЖДЕСТВЕНСКОМУ

Золотые в небе точки.
Ночь и запах смоляной
И твои литые строчки
Зазвенели надо мной.

И куда ни собираюсь
По дорогам фронтовым
Я испытываю радость
К строчкам огненным твоим.

Ну, а если ненароком
Где-нибудь паду в бою,
Отмежёванную сроком
Кончу молодость мою,

Как-нибудь, узнав сторонкой,
Если можешь – от души
Обо мне литых и звонких
Пару строчек напиши.

КУКУШКА

Я на лодке, никем не замечен,
По реке задремавшей плыву.
Хорошо в этот медленный вечер
На прибрежную глянуть траву.

Приближается грань горизонта,
И на грани заката – пожар,
И глаза отвести неохота,
И чего-то становится жаль.

Тишина. Неоконченность линий.
И не трогаю даже весло.
По зеркальности заводи синей
Без движенья меня понесло.

Покачнулась звезда золотая
Над водой, но не тонет до дна.
Закричала кукушка, - считаю,
Сколько раз прокукует она.